

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ ВЕНТВОРТ

ОПАСНАЯ ТРОПА

Мисс Сильвер

Патриция Вентворт

Опасная тропа

«Издательство АСТ»

1939

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Вентворт П.

Опасная тропа / П. Вентворт — «Издательство АСТ»,
1939 — (Мисс Сильвер)

ISBN 978-5-17-147447-8

Эксцентричный отец Рейчел Трехерн оставил дочери все свое огромное состояние и процветающий бизнес, полностью обойдя в завещании прочих родственников. Разумеется, добром это закончиться не могло – и на Рейчел было совершено покушение. А потом еще одно... Кто же из членов семьи перешел от ненависти и зависти к решительным действиям? И как остановить его, пока не поздно? В опасную игру с убийцей вступает мисс Сильвер...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-147447-8

© Вентворт П., 1939
© Издательство АСТ, 1939

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Патриция Вентворт

Опасная тропа

Patricia Wentworth
TLONESOME ROAD

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Patricia Wentworth, 1939

© Перевод. Т. Трефилова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

В детективах Патриции Вентворт есть все: увлекательный сюжет, захватывающая интрига и удивительная, типично британская главная героиня – мисс Мод Сильвер, элегантная и слегка эксцентричная пожилая леди. Сама Агата Кристи не раз признавалась: во многом Мод Сильвер стала прототипом легендарной мисс Марпл.

Глава 1

Рейчел Трехерн вышла из железнодорожного вагона первого класса, в котором приехала в Лондон, отдала билет у контрольного барьера и, сделав несколько шагов в сторону выхода, остановилась и взглянула на вокзальные часы. Еще только одиннадцать. Времени предостаточно, вполне можно выпить чашечку чаю. Или кофе? Конечно, чай в привокзальном буфете – гадкое пойло. Но будет ли кофе здесь лучше – вопрос спорный.

Входя в буфет, мисс Трехерн решила остановить свой выбор на кофе. Она любит его меньше, чем чай, и, значит, не очень расстроится, если напиток окажется невкусным. Главное, чтобы он оказался обжигающе горячим. Несмотря на теплый костюм и шубку, она замерзла. Когда она уезжала из дому, шел снег, а здесь, в Лондоне, осадков не было, только легкий морозец и нависающий сумрак, грозивший превратиться в туман. Рейчел Трехерн зябко передернулась и хлебнула горячего сладкого кофе. Допив всю чашку, она и впрямь немного согрелась. Ее наручные часы показывали десять минут двенадцатого. Встреча назначена на одиннадцать тридцать.

Она вышла из здания вокзала, взяла такси и назвала адрес:

– Монтегю-Мэншнс, Уэст-Лиам-стрит, юго-запад.

Загудел мотор, такси тронулось; она откинулась на спинку сиденья в углу и закрыла глаза. Пути назад уже не было. Когда она писала письмо с просьбой о встрече, то уверяла себя: «Этот меня ни к чему не обязывает. Потом напишу, что необходимость отпала, только и всего!» Но не написала. Мисс Мод Сильвер ответила, пригласив мисс Трехерн в среду, 3 ноября, в 11.30. И вот сейчас Рейчел Трехерн катила на прием к этой женщине.

Всю дорогу в поезде она думала: «Мне вовсе не обязательно с ней встречаться. Позвоню и скажу, что передумала. Потом пройдуся по магазинам, посмотрю дневной спектакль и вернусь домой...» Нет, только не это! Она слишком долго терпела. У нее больше нет сил. Раз уж она едет в Лондон, надо все-таки встретиться с мисс Сильвер. Можно ничего ей не рассказывать, но прием назначен, и она обязана на него явиться. Если мисс Сильвер не произведет на нее благоприятного впечатления, она просто развернется и уйдет, объяснив это необходимостью подумать, и оставит все как есть... Рейчел мысленно содрогнулась. «Нет-нет... так мне легче не станет. Я должна... должна с кем-нибудь поделиться. Я больше не могу носить это в себе!»

Она открыла глаза и села прямо. Сердце ее тревожно замирало, но решение было принято. Ей давно хотелось увидеться с кем-нибудь, поговорить, избавиться от этого жуткого бремени страха. Однако сейчас пустые фантазии кончились. Она настроена твердо. Будь что будет, но она не уедет обратно, пока не облегчит душу!

Такси остановилось. Рейчел расплатилась с шофером и поднялась по шести ступенькам к скромной входной двери Монтегю-Мэншнс. Похоже, это многоквартирный дом. Привратника нет, каменная лестница, ведущая наверх, и маленький лифт. Рейчел Трехерн побаивалась лифтов: двадцать лет назад, когда она была молоденькой девушкой, ее платье застряло в железной решетке лифтовой шахты, и она чуть не погибла. Она вспомнила Венецию, себя, девятнадцатилетнюю, и того американца, который выдернул ее платье из решетки, разорвав муслиновую ткань сильными ручищами. Как странно! Она забыла его лицо и никогда не знала его имени, но эти мощные, похожие на лопаты руки по-прежнему отчетливо помнила... С тех пор в автоматическом лифте она всегда чувствовала себя как-то неуютно, но это, разумеется, просто глупые страхи. Разве можно им поддаваться?

С лифтом проблем не возникло, и вскоре Рейчел стояла перед дверью шестнадцатой квартиры, где прямо над звонком висела маленькая медная табличка с надписью: «Мисс Сильвер. Частный детектив». Она быстро нажала на кнопку и облегченно вздохнула. Если вы

благовоспитанная дама, а не какой-нибудь мальчишка-посыльный, вам не пристало удирать со всех ног, позвонив в квартиру.

Дверь открыла полная, старомодно одетая женщина в большом белом фартуке поверх темного платья с набивным рисунком, похожая на добрую кухарку, – вот уж кого никак не ожидаешь встретить в лондонской квартире! Женщина приветливо улыбнулась и сказала:

– Входите быстрее, не стойте на холоде. В этих каменных домах ужасно сквозит, а уличная дверь всегда нараспашку. Мисс Трехерн? Да, мэм, мисс Сильвер сейчас вас примет.

Она открыла вторую дверь, и Рейчел Трехерн шагнула в комнату, гораздо больше напоминавшую гостиную эпохи королевы Виктории, нежели рабочий кабинет. Брюссельский ковер с ярким цветочным рисунком, плюшевые шторы веселого переливчато-синего оттенка, черный шерстяной коврик перед открытым камином. Обстановку дополняли странные маленькие викторианские кресла с гнутыми ножками, зачехленными сиденьями и искривленными у основания спинками. На каминной доске выстроились в ряд фотографии в серебряных рамках, над ними висела гравюра на стали с картины Милле¹ «Черный брауншвейгский гусар». Стену напротив украшали «Пробуждение души» и «Мыльные пузыри». Обои с букетиками фиалок отодвигали время назад на добрых сорок лет.

Посреди бархатного ковра стоял письменный стол из резного желтого орехового дерева; за ним сидела маленькая женщина в платье табачного цвета. Ее густые мышино-серые волосы были забраны в тугий пучок на затылке, а спереди уложены в пышную завитую челку, такую же, как у покойной королевы Александры. Сеточка держала в строгости всю прическу. Под челкой виднелись мелкие невзрачные черты лица и сероватые глазки. Кожа мисс Сильвер имела землистый оттенок, зато была гладкой, без морщин. Когда мисс Трехерн вошла в кабинет, его хозяйка писала адрес на конверте. Покончив с этим, она промокнула чернила, отложила письмо в сторону и подняла глаза, преисполненная серьезного внимания.

– Мисс Трехерн? – спросила она, слегка наклонив голову. – Надеюсь, вы не слишком замерзли в дороге? Прошу вас, садитесь.

Рейчел Трехерн опустилась на стул, стоявший наготове по другую сторону стола, и ощутила на себе испытующий взгляд – непродолжительный, но острый. Маленькие сероватые глазки мисс Сильвер осмотрели ее с головы до пят и тут же опустились. Женщина взяла с колен вязанье и, казалось, сосредоточила на нем все свое внимание. На спицах была маленькая кофточка, одна из тех, которыми щедро дарят будущих мам. Большой белый шелковый носовой платок защищал нежно-розовую шерсть от соприкосновения с коленями мисс Сильвер, задрапированными юбкой табачного цвета.

Что же увидели серые глаза? Стройную женщину в возрасте от тридцати пяти до сорока лет, с хорошей осанкой, хорошей кожей, хорошими глазами и хорошими волосами. И все было бы замечательно, но впечатление портила одна существенная деталь – внутренняя напряженность. Губы тревожно поджаты. Глаза мечутся, как у испуганной лошади. Руки крепко сцеплены. Да, этой женщине не позавидуешь!

Мисс Сильвер оторвалась от своего вязания и еще раз бегло взглянула на посетительницу. Теперь она могла бы составить полную опись гардероба мисс Трехерн: костюм ручной вязки из коричнево-бежевой меланжевой пряжи, плотные шелковые чулки и отличного фасона темно-коричневые кожаные туфли на низком каблуке; добротная шубка, единственная скромная нитка натурального жемчуга; маленькая коричневая фетровая шляпка. Все указывало на женщину со вкусом и средствами, жительницу деревни.

И кроме того, на женщину, гонимую страхом. Пока мисс Трехерн жаловалась на очень холодную для ноября погоду, мисс Сильвер заметила, как нервно подергиваются ее сцепленные руки. Она провязала половину ряда, а потом сказала:

¹ Джон Эверетт Милле – английский живописец (1829–1896).

– Вы очень пунктуальны. Я ценю это качество. Пожалуйста, расскажите, что вас ко мне привело.

Рейчел Трехерн подалась вперед.

– Наверное, мне не следовало приходить, мисс Сильвер. Да, я вам писала, но, знаете, я передумала. Я пришла только для того, чтобы извиниться и сказать...

– Иногда первая мысль – самая правильная, – назидательно заметила мисс Сильвер. – Вы сильно нервничаете. Вы написали мне, так как были встревожены и испытывали потребность поделиться с кем-нибудь своими тревогами. Вам на время стало легче, и вы начали думать, что совершили глупость...

– Откуда вы знаете? – вскричала мисс Трехерн.

Мисс Мод Сильвер кивнула:

– Это моя работа – все знать. Ведь я права, не так ли? Позвольте узнать, кто вам меня рекомендовал?

– Никто. – Мисс Трехерн опять откинулась на спинку стула. – Видите ли, Хилари Каннингем... э... Каннингеми – родственники одной моей старой подруги. Я встретила с ними у нее в гостях, и Хилари рассказывала о вас... это было давно, несколько месяцев назад. А потом, когда почувствовала, что больше не выдержу, я вспомнила ваше имя и отыскала ваш адрес в лондонском справочнике. Только, мисс Сильвер, я не хочу, чтобы кто-то узнал...

Мисс Сильвер опять кивнула:

– Разумеется, мисс Трехерн. Вся моя работа строго конфиденциальна. Как замечательно выразился лорд Теннисон, «верь мне во всем или не верь вовсе». Я частенько цитирую эти строки своим клиентам. Великий поэт, к сожалению, незаслуженно забытый! И довольно практичный. Согласитесь: я не смогу вам помочь, если вы не расскажете мне, в чем дело.

– Никто не сможет мне помочь, – сокрушенно обронила Рейчел Трехерн.

Спицы мисс Сильвер громко щелкнули.

– На мой взгляд, это весьма глупое утверждение, – заявила она, – и... – легкое покашливание, – несколько неуважительное. Да, никто не поможет вам, если вы сами не позволите вам помочь. А теперь, надеюсь, вы расскажете мне о ваших тревогах, и мы подумаем, что с этим можно сделать.

Рейчел Трехерн невольно вспомнила школьные годы. Точно такую же бодрую деловитость выказывала незабвенная мисс Баркер, сталкиваясь с хитросплетениями «Натана Мудрого»² или ошибками в сложной арифметической задачке. Словно среагировав на щелчок спиц, Рейчел посмотрела через стол, широко распахнув свои темно-карие глаза, и произнесла:

– Мне кажется, кто-то пытается меня убить.

² Драматическая поэма из немецкой литературы.

Глава 2

– О боже! – воскликнула мисс Сильвер, громко шелкнув спицами, и на мгновение подняла глаза. – Что навело вас на такую мысль?

Рейчел Трехерн сделала резкий вдох.

– Я пришла сюда, чтобы сказать об этом, но, если честно, мне не хотелось этого делать. Когда говоришь подобные вещи, тебе никто не верит. И сейчас, когда я все-таки решилась, мое признание прозвучало еще нелепее, чем я ожидала. Я заранее знала, что вы не поверите мне.

– Люди очень часто так говорят, – безмятежно заметила мисс Сильвер. – То, что их беспокоит, на первый взгляд кажется абсурдным. К тому же им, по счастью, никогда раньше не приходилось сталкиваться с преступлениями. У меня же, напротив, богатый опыт по этой части. Знаете, мисс Трехерн, на свете совсем немного вещей, в которые я не способна поверить. А теперь, пожалуйста, расскажите мне все от начала и до конца. Прежде всего, зачем кому-то вас убивать? Во-вторых, на вас уже покушались? Если да, то при каких обстоятельствах? И в-третьих, кого конкретно вы подозреваете? – Произнося это, женщина-детектив опустила свое вязанье, достала из верхнего правого ящика стола ярко-красную тетрадь, раскрыла ее перед собой и, макнув ручку в чернильницу, вывела аккуратный заголовок.

Странно, но эти действия успокоили мисс Трехерн: их обыденность слегка отодвинула страх. Теперь, что бы она ни сказала, ее слова попадут в эту маленькую тетрадку и останутся в записи. При виде тетради Рейчел опять вспомнила школьные годы. Точно такую же страницу она когда-то списывала классическими фразами из грамматики. Когда мисс Сильвер вновь на нее взглянула, она уже собралась с духом и начала свой рассказ:

– Даже не знаю, поверите ли вы мне, так как я и сама с трудом верю во все происходящее. Мы с вами совсем незнакомы, но если вы обратитесь к людям, хорошо меня знающим, они наверняка скажут вам, что мне отнюдь не свойственны подозрительность и истеричность. Бесконечные дела и заботы отнимают у меня много времени, и я почти не думаю о себе. У меня другие интересы.

– Вот как? – спросила мисс Сильвер. – Какие же это интересы, мисс Трехерн?

– Вам знакомо имя Ролло Трехерн?

– Ну конечно. «Дома Ролло Трехерна». Вы имеете отношение к этим «Домам»?

– Я дочь Ролло Трехерна. Вы, вероятно, знаете, что он сделал в Америке огромное состояние. И это состояние он оставил мне в доверительную собственность. Семнадцать лет назад мой отец умер, и с тех пор я вынуждена сама заниматься бизнесом.

– «Дома» были вашей идеей?

Рейчел Трехерн помедлила с ответом.

– Пожалуй, да. У меня была гувернантка, мы все ее очень любили. На ее примере я поняла, как это несправедливо, когда люди всю жизнь работают на других, а потом, в старости, влачат полунищенское существование. Я задумалась о том, куда девать свалившиеся на меня деньги, вспомнила про мисс Баркер и решила создать «Дома Трехерна».

– Вы вложили в «Дома» все отцовское состояние?

– Нет-нет, что вы... я не хочу, чтобы вы так думали. Я имею право распоряжаться определенной суммой, но большая часть капитала заморожена... причем довольно странным образом. – Она замолчала, потом продолжила изменившимся голосом: – Я могу завещать эти деньги, но не могу их никому отдать. Все это очень сложно. Юридически я обладаю полной свободой действий, но фактически связана по рукам и ногам волей отца. Он оставил все деньги именно мне, так как был уверен: я буду считаться с теми ограничениями, которые он создал.

Мисс Сильвер вновь подняла глаза и быстро взглянула на дочь Ролло Трехерна. Темные волосы, высокий лоб, широко посаженные глаза, очень чуткие ноздри, красивые пухлые губки,

созданные для улыбок, но сейчас напряженно сжатые, твердый подбородок. Ясно, почему эту женщину тяготит богатство: оно для нее не игрушка, а бремя.

– Итак, – произнесла мисс Сильвер, – по существу дела вы являетесь доверительным собственником. Понимаю.

Мисс Трехерн поставила локоть на стол и подперла ладонью щеку.

– Все так запутанно! – вздохнула она. – Мне пришлось рассказать вам предысторию, потому что иначе вы ничего не поймете. Примерно три месяца назад я получила анонимное письмо. Конечно, я получала их и раньше, но это было другое...

– Надеюсь, вы его сохранили, мисс Трехерн?

Рейчел покачала головой:

– Нет, я тут же его уничтожила. И потом, оно бы вам ничего не дало. Это были всего лишь слова, вырезанные из газеты и приклеенные на обычный белый лист писчей бумаги. Без обращения, без подписи. Там говорилось: «Побыла богатой, и хватит. Настал черед других».

– Письмо пришло по почте?

– Да... с лондонским почтовым штемпелем. Двадцать шестого августа. А через неделю пришло второе письмо, очень короткое. В нем было следующее: «Ты зажила на этом свете». Еще через неделю я получила третье: «Готовься к смерти!»

– О боже! – воскликнула мисс Сильвер. – И вы не сохранили ни одного? Какая жалость! Как были надписаны конверты?

Рейчел Трехерн откинулась на спинку стула и сказала:

– Это как раз самое странное. В каждом случае адрес был вырезан из письма, которое я уже когда-то получила.

– Вы хотите сказать, конверт был старым?

– Нет, не весь конверт. Из писем, которые приходили ко мне по почте раньше, были вырезаны полоски длиной в пару дюймов с моим именем и адресом и наклеены на новые конверты.

– Из каких писем были взяты эти вырезки?

– Первая – из письма моей сестры Мейбел, миссис Уодлоу, вторая – из письма двоюродной сестры, мисс Эллы Компертон, и третья – из письма еще одной моей родственницы, юной Кэролайн Понсонби. Но, разумеется, они не имеют никакого отношения к этим анонимкам. Я получила их письма, прочла, а конверты выбросила.

– Понятно... – протянула мисс Сильвер и опять заработала спицами. Выдержав достаточно, по ее мнению, паузу, она сказала: – Мне бы хотелось услышать все до конца, а уж потом мы обсудим подробности. Насколько я понимаю, вы пришли сюда не только затем, чтобы рассказать мне про эти анонимные письма. Случилось что-то еще... – Мисс Сильвер опять замолчала, сосредоточившись на вязании.

В конце концов Рейчел Трехерн выдавила:

– Да... вы правы...

– Пожалуйста, расскажите.

Мисс Трехерн уронила лоб на руку, словно пытаясь заслонить глаза, и заговорила тихим ровным голосом:

– Через день или два после того, как пришло последнее письмо, я чуть не упала с лестницы. Я вымыла свою собаку, взяла ее на руки и решила отнести вниз. Я не хотела, чтобы пес начал отряхиваться на втором этаже, поэтому торопилась. Как только я подошла к верхней ступеньке, моя служанка, Луиза Барнет, схватила меня за руку. «Мисс Рейчел!» – вскричала она и оттащила меня назад. Мы с Луизой вместе росли, и она мне очень предана. Я заметила, что она побледнела и дрожит. Она вцепилась в меня со словами: «Если бы я вас не остановила, вы бы разбились насмерть! Я сама чудом осталась жива, но я-то поднималась, а вы собирались спускаться, да еще с Ньюзелем на руках... ох, вы бы точно полетели кувырком с этих ступе-

нек!» Я спросила: «Что ты имеешь в виду, Луи?» И она ответила: «Посмотрите сами, мисс Рейчел!»

– И что же вы обнаружили? – оживилась мисс Сильвер.

– Со второго этажа на полпролета вниз уходит длинная прямая лестница, дубовая, без ковровой дорожки. Когда Луиза меня остановила, я была на верхней площадке. Я не разрешаю слишком сильно натирать ступеньки, но тут увидела, что первые три ступени блестят как стекло. Луиза незадолго до этого поднялась вверх. Она сказала, что ее ноги разъехались как на льду, она плюхнулась на четвереньки и ухватилась за перила – только это ее и спасло. С собакой на руках я была бы совершенно беспомощна. Может, насмерть я и не разбилась бы, но наверняка получила бы серьезные увечья. Горничная – местная девушка, спокойная и слегка глуповатая. Она объяснила, что натерла лестницу как обычно. – Рейчел Трехерн невесело усмехнулась. – Признаться, она никогда не отличалась излишним рвением.

– А когда вы сами поднимались по этой лестнице? И когда по ней ходили другие люди?

– Насколько я знаю, после полудня лестницей никто не пользовался. Я не хотела устраивать шум, поэтому не стала задавать вопросы. На тот момент в доме гостили все мои родственники. Я сидела у себя в комнате, писала письма. Моя сестра отдыхала. Девушки гуляли в саду. Остальные разъехались кто куда. Я вымыла Ньюзеля в половине пятого. Вряд ли после трех часов кто-то поднимался или спускался по этой лестнице.

– За это время можно было легко натереть три ступеньки, – заметила мисс Сильвер.

Рейчел Трехерн промолчала, но после короткой паузы продолжила свой рассказ:

– Я бы не придала этому значения, если бы не письма. Я изо всех сил старалась не думать о проклятых ступеньках, но в голову сами собой лезли разные мысли. Понимаете, горничная натирает лестницу до завтрака, и если бы она была такой скользкой весь день, то до половины пятого на ней обязательно кто-нибудь поскользнулся бы. Но если ее натерли днем, когда по дому никто не ходил, значит, это сделали нарочно, для того чтобы кто-то упал. После тех анонимок у меня невольно возникло ощущение, что поскользнуться на лестнице должна была именно я. Эта мысль не дает мне покоя.

– Вы можете сказать, какой полировкой натерли ступеньки?

– Да, могу. Это новое средство, называется «Глассо». Экономка купила его на пробу, но я бы не хотела, чтобы им натерли полы: они становятся слишком скользкими.

Во время очередной паузы мисс Сильвер отложила свое вязанье и что-то записала в тетрадке с блестящей обложкой.

– Это все? – спросила женщина-детектив.

– Нет... не все! – вскричала Рейчел Трехерн, отнимая руку от глаз.

Мисс Сильвер тихо кашлянула.

– Тогда продолжайте, прошу вас. Мне будет гораздо легче, если вы не станете прерывать свой рассказ. Что же случилось после?

– Примерно неделю все было спокойно. А потом Луиза Барнет обнаружила в моей комнате пылающие занавески. Она сбила пламя; пожар не нанес большого вреда, но... он явно не возник случайно. В комнате нет источников открытого огня, и шторы не могли загореться сами по себе. Мне вряд ли грозила серьезная опасность, но после всего, что произошло раньше, это оказалось не слишком приятно.

Спицы мисс Сильвер громко щелкнули.

– Пожар – это всегда неприятно, – объявила она.

Мисс Трехерн откинулась на спинку стула.

– Но самое страшное случилось четыре дня назад. Именно поэтому я и пришла сюда, только я сомневалась, что смогу вам все рассказать. Это так гадко... – Последние слова она произнесла медленно, почти озадаченно.

Мисс Сильвер подняла с колен розовый клубок и отмотала немного шерстяных ниток.

– Пожалуйста, не делайте пауз, – деловито попросила она. – Говорите же, я вас слушаю.

В другое время столь решительный тон позабавил бы Рейчел Трехерн, но сейчас ей было не до смеха. Впрочем, на мгновение ее губы тронула легкая полуулыбка.

– Хорошо, – согласилась она. – Постараюсь рассказать вам все как можно быстрее. В субботу я была в Ледлингтоне, ходила по магазинам и среди прочего купила коробку шоколадных конфет. Я, единственная в семье, люблю конфеты с мягкой начинкой и поэтому выбрала хороший набор ассорти из конфет с твердой начинкой, но попросила несколько штук заменить на мои любимые. На каждой шоколадке стоял оттиск с названием, чтобы покупатель знал, с какой начинкой он берет конфету. После обеда я пустила коробку по кругу. Конфеты оказались очень вкусными. Я с удовольствием съела две с мягкой начинкой, а потом отнесла коробку к себе в комнату, так как Луиза Барнет тоже любит шоколад и тоже предпочитает мягкую начинку. Когда я покупала конфеты, Луиза была со мной и теперь ждала, что я с ней поделюсь. Я сказала ей: «Угощайся!» Она взяла одну конфету и почти сразу побежала в ванную, где ее выплюнула. Прополоскав рот, служанка вернулась страшно расстроенная. Она сказала: «Конфета была горькой, как желчь. Кто-то хочет вас погубить, мисс Рейчел! Вам грозит опасность». Она принесла мне коробку с конфетами, и мы внимательно их осмотрели. Все конфеты с твердой начинкой были обычными, и мы отложили их в сторону. Осталось около дюжины конфет с мягкой начинкой. У трех снизу, на доньшке, оказались маленькие проколы, через которые в них что-то залили. Проколы были почти незаметными. Я тронула языком начинку в одной из таких конфет и ощутила горечь. После этого я сожгла все оставшиеся.

– Очень глупый поступок, – живо прокомментировала мисс Сильвер. – Вам надо было отдать их на экспертизу.

В ответ Рейчел лишь беспомощно пожала плечами, подняла руку с колен и тут же уронила обратно.

– Теперь это невозможно, – выдохнула она.

Глава 3

Мисс Сильвер ждала, но не услышала больше ни слова. Довязав до конца ряд, она сказала: – Это для малыша Хилари Каннингем. Приятный цвет, такой нежный!

Рейчел Трехерн мельком взглянула на бледно-розовую шерсть и рассеянно бросила:

– А я и не знала, что у Хилари есть ребенок.

– Пока нет. Он родится в январе. – Мисс Сильвер приступила к вывязыванию следующего ряда. – Ну что ж, мисс Трехерн, продолжим. Я задала вам три вопроса. Во-первых, зачем кому-то понадобилось вас убивать? Вы сказали, что ваш отец, Ролло Трехерн, оставил вам очень большое состояние, которым вы вправе распоряжаться по собственному усмотрению. Могу ли я считать это ответом?

– Думаю, да, – пробормотала мисс Трехерн, отводя глаза.

– Во-вторых, я спросила вас, покушались ли на вашу жизнь и если да, то при каких обстоятельствах. На этот вопрос вы ответили весьма подробно. И в-третьих, я поинтересовалась, кого конкретно вы подозреваете. Мне очень важно это знать.

– Да, конечно, – сказала Рейчел и надолго умолкла. Опять сцепив в замок руки на коленях, она посмотрела на них и заговорила, не поднимая глаз: – Думаю, я могу вам доверять, мисс Сильвер. Понимаете, вся беда в том, что... вы вряд ли сумеете мне помочь, если я не буду с вами до конца откровенной. Я должна рассказать вам все. Но... при всем моем желании я просто не могу это сделать. Я рассматриваю те события, которые со мной происходят, и тех людей, которые меня окружают, сквозь призму собственного мироощущения. Мой взгляд окрашен моим настроением, моими страхами, сомнениями, подозрениями. Все это сильно искажает картину. Я сама плохо понимаю то, о чем рассказываю, поэтому вынуждена подбирать слова, пытаясь донести до вас, постороннего человека, свои сложные впечатления. Вы никак не можете проверить мои слова. Вы не знаете ни людей, ни обстоятельства, о которых я говорю, а я не могу изложить события непредвзято. Неужели вы этого не понимаете?

– Я понимаю. Вы слишком встревожены, чтобы быть объективной. А теперь скажите мне, кого вы все-таки подозреваете.

Рейчел Трехерн подняла глаза.

– Никого.

– А кого подозревает Луиза Барнет?

Рейчел резко вскинула голову и посмотрела прямо в лицо мисс Сильвер, сидевшей через стол от нее.

– Никого, – повторила она, – ни единого человека. Она боится за меня, и это делает ее подозрительной. Вот почему я к вам и пришла. Я больше так не могу: жить с любимыми людьми, все время видеть их рядом и при этом терзаться жуткими подозрениями.

– Понятно, – протянула мисс Сильвер. – Позвольте мне процитировать отрывок из поэмы лорда Теннисона «Мод»: «Чье это злодейство? Говорят, мы все злодеи». Еще там говорится о том, что жажда наживы в духе Каина не лучше ужасов войны. На мой взгляд, отлично сказано. Боюсь, жажда наживы в сердце Каина – причина многих преступлений.

– Каин... – прошептала Рейчел, и мисс Сильвер кивнула.

– Совершенно очевидно, подозрения Луизы Барнет, да и ваши, видимо, тоже, падают на кого-то из членов вашей семьи.

– Мисс Сильвер!

– Советую вам это признать. Поймите же: речь идет о покушении на убийство, и здесь требуется особая осмотрительность. Эту ситуацию необходимо прояснить ради вас и ваших родных. Возможно, ваши страхи беспочвенны и покушения совершал кто-то другой. В таком случае вы напрасно расстраиваетесь. Мы смело возьмемся за решение вашей проблемы и

посмотрим, что можно сделать. А сейчас, мисс Трехерн, мне бы хотелось услышать подробный рассказ о ваших домочадцах, членах семьи и всех тех, кто гостил у вас в моменты совершения покушений.

Рейчел Трехерн на мгновение задержала на ней свой взгляд, а потом заговорила тихим ровным голосом:

– У меня дом в Уинклиффе. Его построил отец. Он называется Уинклифф-Эдж³ и стоит, как явствует из названия, на краю утеса, прямо над морем. По другую сторону от дома расположен очень красивый сад, своего рода достопримечательность. Дом большой и вмещает много гостей, поэтому мне приходится держать целую армию прислуги и в частности – экономку и пять горничных. Мужчин на домашние работы я не беру. Моя экономка, миссис Эванс, живет в нашей семье уже двадцать лет, это замечательная женщина. Горничные – девушки, приехавшие из окрестных мест, самое дальнее – Ледлингтон. Я знаю все и про них, и про их семьи. Обычно они работают у меня до тех пор, пока не выходят замуж. Все это милые приличные барышни. Ни у кого из них нет ни малейшего повода мне вредить. Что касается гостей... – Она немного помолчала. – Дом часто бывает полон. Отец построил его не только для себя и меня. Он хотел, чтобы это был своего рода сборный пункт для всей нашей семьи. Мои родственники так его и воспринимают, поэтому я очень редко оказываюсь там одна.

– Вы, кажется, упоминали сестру.

– Да... у меня есть сестра Мейбел.

– Она младше вас?

– Нет, старше на пять лет. Она рано вышла замуж, и отец дал ей приданое.

– А по завещанию он ей ничего не оставил?

– Нет.

– И она этим удовлетворилась?

Мисс Трехерн закусила губу.

– Во всяком случае, мы с ней не ссорились. Мой отец знал, что его завещание понравится далеко не всем, однако у его поступка были свои причины.

Мисс Сильвер деликатно покашляла.

– Люди редко с пониманием относятся к причинам, которые движут поступками их родных, – заметила она. – Пожалуйста, продолжайте, мисс Трехерн. Вы сказали, что ваша сестра замужем. Ее семья жила у вас, когда происходили все эти загадочные события?

– Да. У Мейбел слабое здоровье. Она жила у меня весь август. Ее муж, Эрнест Уодлоу, приезжал по выходным. Он писатель – путевые очерки, биографии и все такое. Их двое детей тоже приезжали по выходным. Морис, ему двадцать три года, учится на адвоката, а Черри, ей девятнадцать, просто развлекается. Из других гостей были мой юный двоюродный племянник Ричард Трехерн, внук брата моего отца; двоюродная сестра по отцовской линии мисс Элла Компертон – у нее небольшая квартирка в городе, но она всегда с удовольствием оттуда уезжает; двоюродный брат по материнской линии, Космо Фрит, и его и моя двоюродная племянница Кэролайн Понсонби...

– Минуточку, – перебила мисс Сильвер. – Кто из этих родственников жил у вас в доме в те дни, когда вы получили три анонимных письма?

– Никто, – ответила Рейчел Трехерн, – кроме моей сестры Мейбел. Она провела у меня весь август и большую часть сентября. Остальные приезжали только на выходные.

Мисс Сильвер отложила вязанье и взялась за карандаш.

– Прошу вас, назовите даты.

Рейчел Трехерн ответила четко, без единой запинки, как ученица, добросовестно вызубрившая урок:

³ Край (англ.).

– Первое письмо пришло в четверг двадцать шестого августа, второе – в четверг, второго сентября, и третье – девятого сентября, тоже в четверг.

– А когда произошел эпизод с натертыми ступеньками?

– 11 сентября.

– В субботу?

– Да, в субботу.

Мисс Сильвер записала полученные данные.

– А пожар в вашей спальне?

– В следующую субботу, восемнадцатого сентября.

– А случай с шоколадными конфетами?

– В прошлую субботу, тридцатого октября.

Мисс Сильвер аккуратно занесла услышанное в тетрадку и подняла глаза, нацелив карандаш на Рейчел Трехерн.

– В период между восемнадцатым сентября и тридцатым октября ничего не случилось?

– Нет. Я часто уезжала из дома, и гостей у меня не было... – Рейчел внезапно осознала, что именно она сказала, и ее щеки окрасились ярким румянцем. Напуганная и расстроенная, она похорошела от волнения. – Только не подумайте, что...

– Моя дорогая мисс Трехерн, – перебила ее мисс Сильвер, – нам обеим придется думать – спокойно, обстоятельно и, главное, беспристрастно. От наших размышлений не пострадает ни одна невинная душа. Бояться расследования должен только преступник. Невинные будут оправданы. Итак, давайте продолжим. Я составила список ваших родственников в том порядке, в котором вы мне их перечислили: мистер и миссис Уодлоу, ваши зять и сестра. Мистер Морис и мисс Черри Уодлоу, их сын и дочь. Мистер Ричард Трехерн, мисс Элла Компертон, мистер Космо Фрит и мисс Кэрлайн Понсонби – ваши двоюродные братья, сестры и племянники. По вашим словам, никто из этих родственников, кроме миссис Уодлоу, не гостил в вашем доме в те дни, когда были написаны, отправлены и получены анонимные письма. А теперь, пожалуйста, скажите мне, кто из них проживал в вашем доме одиннадцатого сентября, когда произошел инцидент с натертыми ступеньками.

Лицо Рейчел Трехерн вновь побелело.

– Они все были там, – пролепетала она.

– А в следующую субботу, восемнадцатого сентября, когда служанка обнаружила в вашей спальне горящие шторы?

– Они все были там.

– А за те шесть недель, пока в вашем доме не было гостей, не произошло ничего подозрительного?

– Мисс Сильвер!

– Давайте оставим эмоции. Итак, за это время вы не заметили ничего странного. Однако в субботу, тридцатого октября, вами были обнаружены отравленные шоколадные конфеты. Кто из ваших родственников находился в доме, когда это случилось?

Мисс Трехерн в третий раз повторила ту же фразу, только теперь ее голос упал до шепота:

– Они все были там.

– О боже! – пробормотала мисс Сильвер, потом перевернула страницу и, написав заголовок, сказала бодрым спокойным тоном: – А теперь, будьте любезны, расскажите немного о каждом из этих родственников, совсем коротко: возраст, род занятий, финансовое положение...

– Мисс Сильвер... я не могу!

Женщина-сыщик посмотрела на нее добрым, но твердым взглядом.

– Можете, моя дорогая мисс Трехерн. Советую вам быть со мной предельно откровенной. Насколько я поняла, вы живете в постоянном страхе, так как вам приходится подозревать всех своих родственников. Ситуация совершенно невероятная, и ее необходимо прояснить. Если

вы что-то от меня утаите, я не сумею вам помочь. Итак, продолжим. Начнем с вашей сестры Мейбел, миссис Уодлоу.

Глава 4

Записи мисс Сильвер

Мейбел Уодлоу: 44 года. Нервная дама, наполовину инвалид. Запоем читает детективные романы. Очень любит мужа и детей. Некоторое чувство обиды по поводу завещания отца.

Эрнест Уодлоу: 52 года. Дилетант. Путешественник. Писатель. Книги никогда не приносили ему хорошего дохода. У жены, судя по всему, денег не много. Мисс Трехерн им помогает.

Морис Уодлоу: 23 года. Учится на адвоката. Сочувствует социалистам. Вероятно, родители любят его больше, чем мисс Т. Она слишком старалась говорить о нем непредвзято. Видимо, умный, развязный молодой человек, слишком самодовольный, чтобы доставлять удовольствие другим. Это всего лишь предположение.

Черри Уодлоу: 19 лет. Хорошенькая барышня. Приезжает на отдых. Довольно легкомысленна. В девятнадцать лет девушки обычно бывают либо слишком легкомысленны, либо слишком серьезные.

Элла Компертон: 49 лет. Дочь старшей сестры Ролло Трехерна Элизы. Старая дева со скудным доходом. Маленькая квартирка, узкие интересы, скучная жизнь. Завидует богатству младшей двоюродной сестры? Тоном, которым говорила о ней мисс Т., обычно говорят о тех, кому сочувствуют, но не слишком любят.

Космо Фрит: 45 лет. Еще один дилетант, но другого типа. Талантлив, но не способен найти применение своим многочисленным способностям. За все берется и ничего толком не умеет. Не женат. Любит общество и красивых женщин – «Wein Weib und Gesang»⁴. Двоюродный брат по материнской линии. Мисс Т. относится к нему с большой симпатией. Финансовое положение сомнительное.

Кэролайн Понсонби: 22 года. Двоюродная племянница мисс Т., миссис Уодлоу и Космо Фрита. Мисс Т. обожает эту юную барышню. Говорит о ней очень тепло, называет «прелестное дитя». Маленький независимый доход.

Ричард Трехерн: 26 лет. Двоюродный племянник по отцу. Внук младшего брата Ролло Трехерна, Мориса. Архитектор. Находится на нижней ступени общественной лестницы. Амбициозен. Мисс Т. принимает активное участие в его судьбе. Она утверждает, будто между ним и Кэролайн нет кровного родства, и по ее тону ясно: ей хочется, чтобы они поженились. Как сказал лорд Т., «весной юноша начинает мечтать о любви». Он умолчал про ноябрь, который сильно охлаждает юные головы. Мисс Т. с большим теплом и интересом относится к этой молодой паре.

⁴ «Вино, женщины и песня» (нем.) – название вальса Иоганна Штрауса.

Глава 5

Сделав эти записи, мисс Сильвер откинулась на спинку стула и взяла с колен бледно-розовую детскую кофточку.

– Ну вот, с этим покончено, – объявила она, вновь принимаясь за вязание. – А теперь, боюсь, мне придется задать вам не слишком приятный вопрос. Скажите, какую финансовую выгоду получают ваши родственники в случае вашей смерти?

Рейчел Трехерн встретила этот вопрос спокойно, как встречают давно ожидаемый удар.

– Я знала, что вы меня об этом спросите, – начала она, – но ответить не так-то просто. Видите ли, ситуация весьма необычна. Кажется, я уже говорила вам: мой отец оставил мне эти деньги в качестве доверительной собственности. Он юридически не оформил никаких условий относительно того, как я должна ими распоряжаться, но высказал мне свои пожелания устно. И я обещала выполнить его волю. Послушайте, мисс Сильвер, я чувствую, вам можно доверять, однако то, о чем сейчас пойдет речь, касается моего отца. Дайте слово, что вы никому это не расскажете... и не будете делать никаких записей.

Мисс Сильвер взглянула на свою встревоженную клиентку.

– Я никому не расскажу и не буду делать никаких записей, – пообещала она.

Рейчел Трехерн продолжила:

– Мой отец сбежал из дому вместе с моей мамой. Мама располагала небольшой суммой денег, а отец не имел ни цента. Это важно, так как именно тогда была заложена основа родственных связей моей матери. Без ее денег он не смог бы начать бизнес, поэтому, распоряжаясь своим состоянием, он пожелал, чтобы ее родственники были учтены наравне с его собственными. Он увез ее в Соединенные Штаты, и там им пришлось несладко: они едва сводили концы с концами. Первых двух детей они потеряли. Это было за десять лет до рождения Мейбел. А я родилась через пять лет после нее. Потом мама умерла. В то время отец только-только встал на ноги, зато в последующие годы он начал получать хорошую прибыль от своих предприятий. Все, к чему он прикасался, превращалось в золото. На одном земельном участке, купленном им за бесценок, нашли нефть, и он стал неслыханно богат. Он вернулся в Англию и здесь умер. А сейчас я расскажу, о чем конкретно он попросил меня перед смертью. Его тяготило, что человек, вместе с которым он покупал нефтяное месторождение, не получил от него никакой прибыли. Они из-за чего-то поссорились, партнерство распалось, и мистер Брент уехал, не претендуя на земельный участок, поскольку в то время он считался бесприбыльным. Мой отец сколотил на нефти целое состояние, однако мысль о партнере Стерлинге Бренте не давала ему покоя. Он говорил мне, что всегда был в ладу с законом, но когда стоишь на краю могилы, в первую очередь спрашиваешь себя, всегда ли ты оказывался в ладу со своей совестью. Отец попытался найти старого партнера, но не сумел. Он назвал мне сумму, которая ему причиталась, запретил мне ее трогать и велел продолжить поиски мистера Брента или его наследников. Это стало его первой просьбой.

– Вам не удалось найти мистера Брента?

– Нет. Прошло так много времени, и он наверняка уже умер. Если я в течение своей жизни так и не сумею его отыскать, эти деньги будут пущены на стипендии для американцев, обучающихся в Оксфорде и Кембридже, и названы стипендией Брента.

Мисс Сильвер одобительно кивнула.

– Насколько я поняла, мистер Трехерн выразил не единственное пожелание.

– Да. И выполнить второе его условие оказалось гораздо трудней. Отец хотел, чтобы его деньги перешли в руки наиболее достойных. По его мнению, в промежуток времени между его и моей смертью характеры и обстоятельства жизни возможных наследников неизбежно претерпят изменения – как в лучшую, так и в худшую сторону. Родятся дети, молодежь повзрос-

леет и обзаведется семьями. Кто-то умрет. Он счел для себя невозможным решать, что станет с его деньгами после смены очередного поколения, и предоставил это мне. Впрочем, здесь нет ничего необычного, если не брать в расчет одно обстоятельство – я была тогда еще очень молода. Кроме того, он попросил меня об одной, на мой взгляд, довольно странной вещи. Согласно его воле я должна каждый год переписывать завещание. Отец говорил, что в большинстве случаев люди составляют завещание и напроочь о нем забывают. А ему хотелось, чтобы я постоянно обновляла условия своего завещания, ежегодно перераспределяя наследство в свете тех событий, которые происходили за эти двенадцать месяцев.

Спицы мисс Сильвер щелкнули и замерли в воздухе.

– Боже правый, какая тяжелая задача для юной девушки!

– Я дала обещание и держу его. Вряд ли сегодня я согласилась бы на такое. Но я была очень молода, любила папу и была готова выполнить все, о чем он меня просил.

Мисс Сильвер покашляла.

– А вашему отцу не приходило в голову, что вы можете выйти замуж? – спросила она.

Рейчел Трехерн покраснела, не так густо, как несколько минут назад, но даже слабый румянец заметно украсил ее лицо.

– Наверное, нет. Знаете, мужчины обычно не думают о таких вещах.

Мисс Сильвер внимательно смотрела на нее.

– А вы?

Рейчел Трехерн печально усмехнулась:

– Да, я думала о замужестве, как и всякая девушка. Но... ладно, раз уж у нас с вами такой откровенный разговор... ему казалось, что у меня слишком много денег, а я решила, что он слишком труслив. А потом я погрязла в делах, и мне стало не до замужества.

– Будь у вас муж и дети, вам стало бы значительно проще. Однако поскольку вы не имеете естественных и неоспоримых наследников, ваш договор с мистером Трехерном может послужить причиной постоянных волнений и споров в вашей семье – конечно, если ваши родственники о нем узнают. А теперь, мисс Трехерн, я задам вам очень важный вопрос. Они знают об этом договоре?

Рейчел нахмурилась, от чего сразу стала казаться старше своих лет, и произнесла тихим расстроенным голосом:

– Боюсь, что знают.

– Откуда? Кто им сказал? Ваш отец? Вы? Только не говорите мне, что это сделал ваш адвокат.

– Папа сказал об этом моей сестре. Он был очень болен и, видимо, плохо отдавал себе отчет в своих действиях. Я уверена, в здравом уме он бы так не поступил. Это сразу же сильно осложнило мою жизнь.

– Какая досада, – посетовала мисс Сильвер. – Об этом договоре знают все ваши родственники?

В карих глазах Рейчел Трехерн на мгновение зажглись веселые искорки.

– Думаю, да. Видите ли, это была обида, а моя сестра и ее муж любят делиться своими обидами с окружающими. Пожалуй, можно смело утверждать: все мои родственники знают о том, что раз в год, в январе, я переписываю свое завещание. Одни тактично молчат, другие негодуют, а молодежь воспринимает это как шутку. Как бы мне хотелось, чтобы они ничего не знали...

Мисс Сильвер взяла карандаш и дописала рядом с именем Мейбел Уодлоу еще одно слово: «Болтлива», потом откинулась на спинку стула и спросила:

– Им известны условия вашего текущего завещания?

– Не знаю.

– Как же так? Вы должны это знать.

Рейчел молчала.

– Черновик вашего завещания хранится в доме?

– Да.

– Вы не хотите мне помочь, мисс Трехерн. Его мог видеть кто-то из ваших родственников?

– Наверное. Знаете, я как-то не задумываюсь о подобных вещах.

– Мне не хотелось бы вас огорчать, но, боюсь, ваша беспечность весьма опрометчива. Вы держите черновик в незапертом ящике?

– Нет, в запертом. Но я плохо слежу за ключами, кидаю их где попало.

– Понятно. А кто получит наибольшую выгоду в случае, если вы умрете, не успев внести ежегодные изменения в завещание? Вы можете ответить на этот вопрос?

Рейчел Трехерн оттолкнула стул и резко встала.

– Нет, мисс Сильвер. Я не могу вам этого сказать.

Женщина-сыщик невозмутимо орудовала спицами.

– Вы хотите, чтобы я занялась вашим делом?

Рейчел Трехерн взглянула на нее. Ее глаза кричали: «Помогите мне!» А губы произнесли:

– Да, пожалуйста... если вы не против.

Спицы в очередной раз щелкнули.

– Я дам вам совет. Вы его слушаетесь? – поинтересовалась мисс Сильвер.

На лице Рейчел неожиданно вспыхнула очаровательная улыбка.

– Если это в моих силах, – ответила она.

– Поезжайте домой и скажите вашей сестре, что вы были в городе и, пользуясь случаем, переписали завещание, но на этот раз внесли в него значительные изменения. Она наверняка сообщит об этом остальным вашим родственникам, и покушения на вашу жизнь прекратятся, по крайней мере на время.

Рейчел Трехерн стала белой как полотно.

– Нет... я не могу так поступить.

– Это стало бы гарантией вашей безопасности.

– Нет-нет, я не буду врать! Это унижительно!

– Тогда сделайте так, чтобы это стало правдой. Повидайтесь со своим адвокатом, исправьте завещание и сообщите об этом вашим родным.

Рейчел какое-то время стояла молча, тяжело опершись ладонями о край стола. Наконец она произнесла:

– Ладно, я подумаю. Что-то еще?

– Да. Я собираюсь ненадолго уехать из города. Вы не порекомендуете мне какое-нибудь временное жилье по соседству с вами? Скажите своим родственникам, что я ваша знакомая, подруга Каннингемов, и мы сможем встречаться, не вызывая подозрений. Иногда вы будете приглашать меня к себе домой.

– Пожалуйста, живите у меня.

– А это никого не насторожит? Очень важно, чтобы я считалась просто вашей личной гостьей.

Рейчел Трехерн вновь улыбнулась:

– О, не беспокойтесь! Я всегда приглашаю в дом самых разных людей. Мне приятно предоставлять жилье тем, кто не может себе позволить... – Она осеклась и густо покраснела.

Но мисс Мод Сильвер несколько не обиделась.

– Ничего страшного, – заверила она, – сыграю роль благородной дамы в стесненных обстоятельствах. Я смогу приехать... дайте-ка подумаю... в субботу. Сошлитесь на Хилари Каннингем, но не заостряйте внимание на моем с ней знакомстве. Думаю, будет лучше, если вы представите меня как гувернантку на пенсии. – В ее глазах неожиданно зажглись веселые

искорки. – Причем вам не придется идти наперекор собственной совести, так как это истинная правда. Я двадцать лет учительствовала в школе, – она встала и протянула руку, – и терпеть не могла эту работу. До свидания, мисс Трехерн.

Глава 6

В Ледлингтоне мисс Трехерн пересела в собственный автомобиль с шофером, ожидавший ее на вокзале. Откинувшись на удобном сиденье, она ехала по темным улочкам и невольно думала о том, какой защищенной она, должно быть, выглядит со стороны: на коленях – меховой плед, за рулем – спокойный надежный Барлоу. Вряд ли кто-то поверил бы, что за внешним благополучием прячутся дикий страх и мучительные подозрения. Она и сама с трудом верила в это, глядя на крепкую широкую спину Барлоу.

Хорошо, что в доме мало народу – только Мейбел и Эрнест. Кэролайн не в счет: она все равно что ребенок. Возможно, придет Ричард, но Рейчел всегда рада его видеть. Она устала и собиралась немного отдохнуть до обеда, в ее распоряжении будет целый час. Можно принять ванну, а потом Луи расчешет ей волосы... Ох как приятно!

Она вошла в холл и обнаружила там целую толпу. Эрнест, Мейбел, Ричард, Кэролайн, а еще Морис и Черри, которые только что приехали и собирались пообедать, а потом опять вернуться в город.

– Этот дом похож на хорошую придорожную гостиницу, дорогуша, – хохотнула Черри. Ее смех был таким же холодным, как и ласковое обращение, которое она адресовала всем подряд. Красота девушки казалась несколько вызывающей: белокурые волосы, шляпка с конусообразной тульей, угнездившаяся в копне кудряшек, очень тонкие руки с острыми кроваво-красными ногтями, ярко накрашенные губы.

Рейчел взглянула на Кэролайн – она всегда выделяла ее среди своих родственников. Ее любимица вышла вперед, поцеловала тетушку и спросила тихим нежным голоском:

– Ты, наверное, совсем замерзла?

– Да нет, не совсем. Сколько вас здесь ночует? Надеюсь, миссис Эванс в курсе? Черри, вам с Морисом лучше остаться. Барлоу говорит, что через час дороги станут опасными – снег растаял, а потом подморозило.

Мейбел Уодлоу обернулась, держа сына под руку. Это была миниатюрная женщина, когда-то такая же хорошенькая, как Черри, но теперь ее кожа стала морщинистой и землистой, а волосы обесцветились подобно высохшей траве и приобрели такой же зеленоватый оттенок. Она разговаривала высоким раздраженным голосом.

– Я сказала им то же самое, но, разумеется, мои слова – всего лишь пустой звук, – пожаловалась Мейбел. – Может быть, хотя бы тебя Морис послушает.

– Хватит ворчать! – сказал Морис и обнял мать за талию. У него были такие же мелкие правильные черты лица, как у сестры, такие же близко посаженные глазки, однако Черри старательно красила ресницы, делая их на добрых шесть тонов темнее, чем волосы, а у Мориса они имели натуральный песочный цвет. Он носил маленькие усики и время от времени грозился отпустить бороду. В настоящий момент в его голове зрела решительная идея: бросить карьеру юриста и заняться политикой. Он надеялся, что тетушка проникнется и профинансирует его изменившиеся планы, однако до сих пор не нашел в ней желаемой поддержки.

– Я бы хотел поговорить с тобой, Рейчел, – сказал Морис.

– Чуть позже, – устало бросила Рейчел Трехерн.

– Ты разминулась с Космо, – сообщила Мейбел Уодлоу. – Он был в Ледлингтоне – с кем-то там встречался – и заехал к нам на чай. А, еще звонила Элла. Спросила, можно ли ей приехать на ланч подругу, ты ее знаешь, это миссис Барбер, у которой она сейчас остановилась. Они приезжали на машине миссис Барбер. Подумайте, у всех собственные автомобили! Не понимаю, откуда только деньги берут? – По тону миссис Уодлоу чувствовалось: она воспринимает это как личное оскорбление.

Рейчел мысленно порадовалась, что не застала миссис Барбер. Эта дама была одержима собственным благочестием и вечно пичкала окружающих рассказами о своих добрых делах. Но, как оказалось, ее радость была преждевременной. Элла Компертон собиралась завтра к ланчу перебраться из коттеджа миссис Барбер в Уинклифф-Эдж, и миссис Барбер вызвалась ее привезти. На ланч она остаться не сможет, но все-таки обозначится здесь. Таким образом, совсем избежать встречи с занудливой дамочкой не удастся. Впрочем, можно отправиться по магазинам или уйти гулять с Ньюзелем. А кстати, где Ньюзель?

Она подошла к лестнице, и в этот момент со ступенек кубарем, высунув язык, скатилась черно-рыжая такса. Пес с заливистым лаем подбежал к хозяйке, ткнулся носом в любимую ногу и пронзительно взвизгнул. Рейчел протянула руку, чтобы его успокоить. Он ласково куснул руку, тихо зарычал, опять взвизгнул и, стянув перчатку, побежал впереди, держа добычу в зубах.

– Не представляю, как Рейчел выносит эту шумную шавку! – охнула Мейбел Уодлоу, прижимая ладонь к виску. – О боже, вы только послушайте, как он твякает! Морис, я рада, что ты остаешься. Нет, Черри, не делай такую кислую мину, это совершенно бесполезно. Я знаю: на меня никто не обращает внимания, но послушайся хотя бы отца. Эрнест, скажи Черри, что все уже решено и им придется остаться. А сейчас давайте-ка все отправимся по своим комнатам и переоденемся к обеду.

Черри Уодлоу посмотрела в другой конец холла, где Ричард Трехерн читал письмо, и со смехом сказала:

– Ричард не останется. Отвезешь меня в город, Дики? Ты же у нас не робкого десятка.

Ричард Трехерн поднял глаза. Это был темноволосый, крепко сложенный молодой человек в очках. Даже лучший друг не назвал бы его красавцем, а когда Ричард хмурился, как сейчас, то выглядел даже устрашающе. Однако у него был весьма приятный голос.

– Черри, дорогая, когда ты называешь меня «Дики», на меня накатывает мания убийства. Пожалуй, я тоже останусь здесь – как говорится, от греха подальше. Если ты ляпнешь «Дики», когда мы будем одни в машине, может произойти авария.

– Ну конечно, я же не твоя драгоценная Кэрри.

– А если ты назовешь Кэролайн «Кэрри», я не стану дожидаться, пока мы останемся наедине, и убью тебя прямо здесь и сейчас.

– Это было бы забавно, – заметила Черри. – Кэр... олайн, что ты будешь делать, если тебя позовет под венец убийца, предложив тебе сердце и свою окровавленную руку?

Кэролайн улыбнулась. Она была из тех людей, которые все делают с медлительной грацией. Среднего роста, темно-русая, с красивыми карими глазами, изящными кистями и стопами, эта девушка вызывала искреннюю симпатию.

– Попрошу его вымыть руку, – сказала она и не оглядываясь начала подниматься по лестнице.

У двери в свою комнату Рейчел Трехерн столкнулась с Луизой Барнет. Служанка встретила ее упреками:

– Вы совсем замерзли, мисс Рейчел! Это просто безумие – отправиться в город в такую погоду! Понесла же вас нелегкая! А этот негодник Нойзи уволок вашу новую перчатку.

– Нойзи, малыш! – со смехом крикнула мисс Трехерн. – Отдай перчатку! Ох, Нойзи, пожалуйста!

– Отшлепать бы его как следует, вот что я вам скажу!

– Но я не спрашивала твоего мнения, дорогая Луи. Нойзи... озорник... а ну отдай, будь умницей!

Поддавшись на ласковые уговоры, Ньюзель вприпрыжку подбежал к Рейчел и, виляя хвостом, бросил перчатку. Рейчел нагнулась, чтобы ее поднять, и пес, воспользовавшись моментом, радостно подпрыгнул и лизнул хозяйку в лицо.

Луиза мрачно нахмурилась.

– Ужасное животное! – заявила она. – Не понимаю, как вы можете во всем ему потакать. Я бы на вашем месте не пускала его к себе в комнату, ведь он больной.

Рейчел внимательно оглядела таксу – блестящие глаза, довольная морда.

– Он выглядит вполне здоровым.

– О, болезнь его не беспокоит! – мрачно изрекла Луиза.

– Если мы выставим его за дверь, он будет скулить.

– Значит, пусть скулит там, где его не слышно! – С этими словами Луиза схватила пса за шкуру и понесла прочь.

Глава 7

После обеда, когда все собрались в гостиной, Эрнест Уодлоу подвел свою невестку к дивану, стоявшему в некотором удалении от камина, возле которого расположилась остальная компания. Рейчел меньше всего хотелось беседовать с Эрнестом с глазу на глаз, но за двадцать пять лет его брака с Мейбел она поняла: с этим человеком бесполезно спорить. Нервный и суетливый, он был совершенно непреклонен в своих решениях. Поэтому она внутренне подбралась, надеясь на короткий разговор. Однако ее надежды не оправдались. Эрнест сел, поправил пенсне, кашлянул, отпустил замечание насчет холодной погоды, а затем поинтересовался, что она делала в Лондоне – ходила по магазинам?

– Нет, – ответила Рейчел, откинувшись на спинку дивана и ожидая дальнейших расспросов.

– В такой морозный день не слишком приятно ходить по магазинам, – выдал мистер Уодлоу.

Этот низкорослый мужчина тщательно следил за своим гардеробом, но почему-то носил чересчур свободные воротнички, выставляя на всеобщее обозрение непомерно большой кадык. У Эрнеста были такие же близко посаженные глазки, как у его сына и дочери, однако волосы и озабоченно опущенные усики имели темный оттенок.

– Но я не ходила по магазинам, – сказала Рейчел.

Эрнест Уодлоу снял пенсне и начал старательно протирать стекла.

– А, понимаю – бизнес, – изрек он. – Столько забот на твоих хрупких плечах! И ты отлично со всем справляешься. Однако ты не должна слишком усердствовать... это вредно для здоровья. – Он водрузил пенсне на нос и сочувственно посмотрел на невестку. – У тебя очень усталый вид.

Рейчел улыбнулась:

– Спасибо, Эрнест. Когда мужчина говорит женщине такие слова, на самом деле это означает, что она плохо выглядит.

Мистер Уодлоу удивленно вскинулся.

– Что за глупости, милая Рейчел! Я вовсе не это имел в виду. Знаешь, Мейбел за тебя так волнуется!

– Совершенно напрасно.

– Может быть, но она просто места себе не находит. А ведь ей ни в коем случае нельзя волноваться. Не далее как сегодня днем у нее случился страшный приступ учащенного сердцебиения. Она сказала мне: «Рейчел слишком усердствует, – я цитирую ее слова, – если она не позаботится о себе, у нее будет нервное расстройство». Я ответил: «Дорогая, ты прекрасно знаешь... – опять передаю дословно, – так вот, ты прекрасно знаешь, и твоя сестра Рейчел тоже, что она в любой момент может снять с себя тяжкое бремя ответственности, потому как я с превеликой радостью – да-да, именно так я и сказал, – окажу ей любую посильную помощь».

– Не сомневаюсь в этом, – вставила мисс Трехерн.

Мистер Уодлоу поправил пенсне. Кадык дернулся.

– «Однако, – сказал я далее, – я не привык лезть со своей помощью или... со своими советами, если меня не просят или когда обстоятельства могут спровоцировать резкий отказ».

Рейчел нетерпеливо дернулась.

– И пока вы так разговаривали, Мейбел страдала от учащенного сердцебиения?

Эрнест Уодлоу уставился на нее – без обиды, но с легким недоумением.

– Нет, оно началось у нее сразу после этого разговора.

Рейчел улыбнулась. Она не любила зятя, но вот уже семнадцать лет скрывала ото всех свою неприязнь.

– Мой дорогой Эрнест, не надо попусту тратить время. Да, сегодня я устала, но чувствую себя отлично. Поэтому пусть Мейбел успокоит свое сердцебиение. Большое спасибо за доброту и заботу, но я не нуждаюсь в твоей помощи. Если это все, что ты хотел мне сказать...

Нет, это было явно не все. Эрнест еще не добился своей цели и упорно буравил Рейчел глазами сквозь мерцающие стекла вечно перекошенного пенсне.

– Не уходи, Рейчел. Нас очень беспокоит... даже, можно сказать, тревожит поведение Мориса. Он сообщил своей маме и мне, что собирается вступить в коммунистическую партию. А еще он хочет на год уехать в Россию.

– Что ж, пусть едет. Возможно, это его излечит.

– Мейбел в полном расстройстве. Она слышала, там отвратительные санитарные условия, даже в Москве и Ленинграде.

– Не понимаю, при чем здесь я, Эрнест.

Мистер Уодлоу заерзал на диване. Его кадык ходил ходуном.

– Если бы ты помогла ему вступить в... то общество, идеями которого он так загорелся...

– Ты имеешь в виду Коммуну равных возможностей?

– Ну да. Мейбел полагает, таким образом мы сумеем удержать его в Англии.

На языке у мисс Трехерн крутился вопрос: «А с чего вы все взяли, будто я горю желанием удержать Мориса в Англии?» Но она промолчала (сказалась многолетняя практика) и лишь заметила:

– Я вовсе не собираюсь проталкивать его в эту идиотскую коммуну.

Мистер Уодлоу беспомощно развел руками.

– Молодежь всегда ударяется в крайности. Со временем Морис образумится.

– Надеюсь.

В голосе Эрнеста Уодлоу послышалась искренняя тревога:

– Но если он уедет в Россию... Рейчел, этого нельзя допустить!

– Может быть, он не уедет.

– Уедет, если здесь его не возьмут в коммуну. Он уже не хочет быть адвокатом и бросил учебу. Он говорит, что юридическая система в нашей стране изжила себя и ее необходимо ликвидировать. Бедная Мейбел так за него переживает! Но если у него будет пять тысяч фунтов, которые он сможет вложить в коммуну...

Щеки мисс Трехерн порозовели от гнева.

– Пять тысяч фунтов? Ты с ума сошел, Эрнест?

В этот момент сзади подошла Мейбел Уодлоу. Она облокотилась на спинку дивана, вторгнувшись между ними, и произнесла тихим, но на удивление энергичным голосом:

– Ну пожалуйста, Рейчел! Для тебя это сущий пустяк, а мой мальчик останется дома!

Рейчел Трехерн встала.

– Даже не обсуждается! Я никогда в жизни не дам деньги на подобную ересь.

Голос Мейбел задрожал.

– Ох, Рейчел... как это жестоко... мой мальчик... твой родной племянник! И потом... эти деньги... ведь он все равно когда-нибудь их получит.

Огонек гнева, загоревшийся в душе Рейчел Трехерн, превратился в бушующее пламя.

– Ты имеешь в виду, после моей смерти, – нарочито размеренно произнесла она. – Но кто тебе сказал, что, если я завтра умру, Морис получит пять тысяч фунтов или хотя бы пять тысяч пенсов?

В другом конце комнаты кто-то включил радио. Оттуда доносились смех и гул голосов. Взглянув на Мейбел и Эрнеста, Рейчел подумала: «В черновике завещания я отписала ему десять тысяч... И они это знают».

Их лица изменились. Эрнест резко вскочил, а Мейбел со слезами на глазах подалась чуть вперед, ухватившись руками за мягкую спинку дивана. На душе у Рейчел заскребли кошки.

– И пожалуйста, давайте больше никогда не будем об этом говорить, – очень тихо сказала она, затем отвернулась и направилась к группе у камина.

Глава 8

Они расступились, давая ей место. Ричард подвинул кресло. Когда она проходила мимо Кэролайн, девушка схватила ее руку и приложила к своей щеке.

– Ох, милая, ты до сих пор холодная!

– Только руки, – пробормотала Рейчел Трехерн, откинулась в кресле и заслонила от огня пылающее лицо.

– О чем с тобой говорили родители? – любопытствовала Черри.

Рейчел покосилась на Эрнеста и Мейбел, которые продолжали что-то обсуждать в дальнем конце гостиной. Злость развязала ей язык, и она, к своему удивлению, выпалила:

– Я не желаю продолжать эту тему.

В глазах Черри вспыхнули хитрые искорки.

– Значит, о Морисе. Держу пари, они хотели, чтобы ты дала ему денег – как всегда. Только если их уговоры подействовали, имей в виду: я гораздо больше заслуживаю материальной поддержки.

– Я же сказала, Черри, тема закрыта.

Морис сердито зыркнул на сестру. В разговор вмешался Ричард Трехерн:

– Сегодня днем, проходя по скальной тропе мимо дома Толледжа, я увидел кое-что необычное. Двое рабочих выкапывали из земли его старую изгородь. Зря, конечно, он это затеял: изгородь служила хорошей защитой от ветра. Но что поделаешь – его жена желает любоваться морем из окон гостиной. Так вот, мужчины окликнули меня и показали с полдюжины выкопанных ими гадюк. Оказывается, змеи устроили под изгородью гнездо и улеглись зимовать. Там собралась целая толпа деревенских мальчишек – они зорко следили за работой и ждали, не откопают ли еще одну змею.

– Как жаль, что там не было Черри! – засмеялся Морис. – Думаю, она с удовольствием завела бы себе гадюку.

Черри обернулась к Ричарду и выразительно закатила глаза. Она переделалась в очень короткое бледно-зеленое платье с открытой спиной и без рукавов. Ее кожа была гладкой и белой как молоко.

– О, обожаю змей! – жеманно воскликнула девушка.

Ричард как-то странно посмотрел на нее.

– Ну что ж, сходи туда и выбери себе домашнего питомца.

– Нет, гадюки – это неинтересно, – протянула Черри. – Мне бы хотелось завести длинную тонкую змейку, такую изумрудно-зеленую, с раздвоенным языком. Чтобы она трижды обвивала мою руку и кольцом обхватывала шею.

– Терпеть не могу змей, – тихо обронила Кэролайн.

На ней тоже было зеленое платье, только яркое, с серебристым узором, длинными рукавами, длинной юбкой и высоким присборенным воротником. Ричард подумал: «Она напоминает весеннюю листву, которая распускается под лучами солнца, – такая же теплая и свежая. О, моя драгоценная Кэролайн!» Но изобразил чуть циничную усмешку и предложил:

– Давайте скинемся всей семьей и на следующий день рождения подарим Черри подвязочную змею.

Черри коротко хохотнула.

– Шикарная идея, Дики! Но почему подвязочную? Что это за змеи такие?

– Кажется, они зеленые... и о-очень ядовитые.

– Вот что тебя ждет, если будешь называть его Дики, – заметил Морис.

Супруги Уодлоу вернулись в кружок весьма своевременно, по мнению Рейчел. Что происходит с Черри? Почему она все время язвит и рисуется? Ревнует к Кэролайн? Да, несомненно. Ей нравится Ричард? Возможно... Ох, Черри, бедняжка, ты напрасно теряешь время!

Вопрос Ричарда вывел ее из задумчивости:

– Ты ведь знакома с Гейлом Брэндоном, Рейчел?

– Да... мы виделись несколько раз. Вообще-то мы с ним видимся постоянно. А ты тоже его знаешь?

– Он мой будущий клиент. Нас познакомил Мерривейл. Брэндон хочет, чтобы я построил ему дом, очень странный дом, на мой взгляд. Мы с ним поговорили, правда, довольно сбивчиво, потому что Мерривейл завел бесконечный рассказ о том, как он фотографировал льва на реке Замбези. То есть он начал со льва, а потом неожиданно вплеl в историю кучу других животных. Мерривейл разглагольствовал, сидя перед камином, а Гейл Брэндон в это время взял меня под руку и начал водить по комнате, объясняя, какой ему нужен дом. В итоге у меня в голове все перемешалось. Возможно, его проект показался мне странным лишь потому, что в нить нашей беседы то и дело вплетались львы, аллигаторы, бабуины и прочие звери Мерривейла. У меня создалось впечатление, будто он толкует мне про какой-то зоопарк. Кстати, наш разговор затрудняло еще одно обстоятельство: Брэндон часто прерывался и заговаривал про Уинклифф-Эдж. Похоже, твой дом не дает ему покоя. Вот только я не совсем понял, чем именно он восхищается – твоим жилищем или тобой, Рейчел.

Рейчел улыбнулась:

– Он же американец, а американцы восхищаются всем подряд. Брэндон приехал сюда недавно и полон энтузиазма. Мне кажется, его приводит в восторг даже наш климат, хотя сегодняшней денек вряд ли ему понравился.

– А я знаю, что ему точно не нравится, – сказал Ричард. – Вернее, кто. Наша Луиза. Он спросил у меня в своей бесхитростной манере, зачем ты держишь у себя дома эту ехидну.

Черри хихикнула. Мейбел Уодлоу недовольно выпятила губы и пробурчала:

– Каков наглец!

Эрнест осуждающе сверкнул глазами за перекошенными линзами и объявил:

– И впрямь довольно оскорбительно. Он не имел права так говорить.

В разговор вмешался Морис.

– Луиза никому не нравится, – заявил он холодным тоном полемиста. – Она крайне сварливая женщина. Но это не ее вина, это вина вашего проклятого капитализма. Одному человеку вы даете все – деньги, власть, положение в обществе, авторитет. Другому же...

В глазах Кэролайн вдруг заплескали веселые огоньки. Она нагнулась к Ричарду и прошептала ему на ухо:

– Вот увидишь, сейчас он назовет Луизу батрачкой.

В следующую секунду ее предсказание сбылось.

– Вы сделали ее батрачкой, – распалялся Морис, – которая зарабатывает на хлеб насущный рабским трудом...

Черри расхохоталась.

– Ну, знаешь, я бы не назвала Луизу рабыней, – заявила она, и впервые с ее мнением все согласились.

– Луиза ужасно груба, – сказала Кэролайн, – даже с Рейчел. Даже с Нойзи. Правда, наш драгоценный ангел?

Ньюзель лежал посреди каминного коврика. Достаточно прожарив грудь и пузо, он только что перевернулся, подставив приятному теплу спину. Услышав нежный голосок Кэролайн и ее ласковое обращение, причем единственно верное, он слегка приоткрыл один глаз и чуть-чуть вильнул хвостом, после чего вновь отбыл в царство сновидений, навеянных памятью

предков: ему снилось, будто он забрался в нору к огромному древнему барсуку и храбро сражается с опасным зверем.

Рейчел Трехерн невесело усмехнулась.

– Может быть, Луиза и груба, – сказала она, – но она желает нам добра. У нее преданное сердце.

Кэролайн покачала головой:

– Она предана тебе, милая, но не нам, это точно. Она нас просто ненавидит.

– Ох, Кэролайн, что ты говоришь?

– Даже слепому видно: она мечтает увезти тебя на необитаемый остров и там служить тебе одной, угождая всем твоим прихотям.

– А потом умереть за тебя каким-нибудь крайне эффектным способом, – добавил Ричард.

Рейчел засмеялась, но взгляд ее стал беспокойным. Она сменила тему, и разговор переключился на зимние виды спорта и девушку по имени Милдред, с которой Черри познакомилась в Андерматте и которая обручилась со сказочно богатым молодым человеком по имени Боб. На их свадьбе, намеченной на начало декабря, Черри должна быть подружкой невесты.

– Ты уже думала о свадебном подарке? – проворчала Мейбел Уодлоу. – У нее есть все, что ей нужно, и она выходит замуж за человека, который не знает, куда ему девать свое добро, но нам все равно надо что-то придумать.

– Я бы подарила ей бриллиантовую веточку из «Вулвортса»⁵, – сказала Черри. – Хотелось бы посмотреть на ее лицо! Слушай, Морис, а давай сделаем это анонимно. У меня есть старый футляр от Картье, положим в него брошь.

– Кто же подарил тебе брошь от Картье? – поинтересовался Морис. – И где сама брошь?

– Я тут же ее заложила, дорогуша. А как ты думал?

– Черри! – встревоженно воскликнула Мейбел Уодлоу. – Что все это значит? А ну-ка выкладывай.

Черри хохотнула.

– Ой, дорогуша, только не надо меня воспитывать!

– Черри, отвечай своей маме! – рявкнул Эрнест.

Она опять засмеялась.

– Да чего говорить-то? Ерунда! Боб подарил мне брошку, а я ее заложила, вот и все.

– Но, Черри...

– И я не единственная знаю дорогу в ломбард, правда, Кэр... олайн? Хотя там, конечно, страшная обираловка. Сколько тебе дали за твое бриллиантовое колечко, Кэрри?

Кэролайн молчала, глядя на Ричарда.

– Ты же не сказала нам, сколько получила за свою брошь, – заметил он.

– Примерно четверть от ее стоимости, – сообщила Черри. – Мне повезло: в ломбарде я столкнулась с Кэролайн, которая как раз выходила оттуда. Оценщик показал мне ее кольцо, вот только не сказал, сколько за него заплатил.

– И она тоже не скажет, – заявил Ричард, сладко улыбнувшись.

⁵ «Вулвортс» – сеть универсальных магазинов, торгующих разнообразными дешевыми товарами.

Глава 9

Рейчел Трехерн вошла к себе в спальню, усталая и с тяжелым сердцем. Конечно, хорошо лечь в постель и на семь-восемь часов забыть о своих родственниках, но завтра будет новый день, который сулит целую череду утомительных бесед – с Эрнестом, Мейбел, Морисом, Черри, Кэролайн. Эрнест будет давить на нее, уговаривая отдать капитал на антикапиталистическую кампанию Мориса. Мейбел устроит очередную сцену со слезами и упреками, и не исключены новые приступы учащенного сердцебиения. Морис прочтет ей лекцию о коммунизме. А Черри... «Ну уж нет, – подумала Рейчел, – не буду разговаривать с этой девицей! Пусть Мейбел сама ей объяснит, что неприлично принимать дорогие украшения от чужого жениха».

Вот Кэролайн – дело другое. Надо выяснить, почему девочка заложила мамино кольцо. На душе у Рейчел теплело, когда она думала о своей любимой племяннице.

Луиза встретила ее суровым молчанием. О, только не это! Рейчел мысленно застонала. Неужели даже перед сном ее не могут оставить в покое? Верная служанка швырнула ее платье на вешалку и яростно затолкала в гардероб.

– Я вижу, ты устала, Луиза, – сказала Рейчел. – Иди спать, мне больше ничего не понадобится.

И тут Луизу прорвало:

– Ну да, конечно, вам бы только отправить меня с глаз долой! А кое-кто спит и видит, чтобы я вообще убралась из этого дома. Если меня здесь не будет, эти люди на коленях восславят дьявола, потому что тогда вы лишитесь своей последней защиты!

Рейчел, сидевшая за туалетным столиком, наблюдала череду гримас на мрачном лице служанки. Полуобернувшись, она произнесла ласковым утомленным голосом:

– Луи, я очень устала. Пожалуйста, давай не сегодня.

Луиза издала странный звук – то ли всхлипнула, то ли фыркнула.

– Напрасно вы не хотите меня слушать, мисс Рейчел. Вы сердитесь на меня, потому что я все вижу и пытаюсь вас предупредить. «Не сегодня»! А завтра вы скажете то же самое. И послезавтра. Вы будете отмахиваться до тех пор, пока до вас не доберутся, а тогда уже будет поздно! И мне останется только пойти и броситься со скалы.

– Ох, Луи!

– Думаете, я не сделаю этого? Еще как сделаю, если с вами случится беда, мисс Рейчел!

Рейчел Трехерн встала.

– Ну хватит, Луи, я в самом деле очень устала. Иди позови Ньюзеля, по моей просьбе мистер Ричард выпустил его во двор, а потом ложись спать.

К ее облегчению, Луиза послушалась. Она сердито прошагала к двери, распахнула ее, но выйти не успела: в комнату стремительно влетел Ньюзель – такой исступленно-радостный, как будто ему наконец-то, после невероятных мытарств, удалось добиться встречи с предметом его обожания. С оглушительным лаем он совершил несколько кругов по комнате, потом вытащил из своей корзинки всю постель и в конце концов плюхнулся на коврик перед камином, где принялся блаженно извиваться, повизгивая от восторга.

– Похоже, он уже выздоровел, – буркнула Луиза.

Рейчел опустила на колени и взяла песика на руки. Вот единственное существо, которое все отдает и ничего не требует взамен. В этот момент она испытывала к Ньюзелю куда более теплые чувства, чем к своей служанке. Такса положила морду ей на плечо, посмотрела на нее преданными карими глазами, а потом вдруг вывернулась из рук хозяйки, спрыгнула на пол и начала энергично принюхиваться.

– В чем дело, Нойзи? – удивилась Рейчел.

Пес стоял, не шевелясь, примерно в ярде от Рейчел, хвост и бока мелко дрожали, уши приподнялись, взгляд был напряженным. Услышав голос хозяйки, он быстро обернулся к ней и заскулил.

– Нойзи, да что это с тобой?

Он опять заскулил, принюхался, потом подбежал к кровати и, встав на задние лапы, потянул на себя одеяло.

Рейчел поднялась и начала подбирать с пола его постель.

– Даже не думай, – строго сказала она. – Я не позволю тебе спать в моей кровати, маленький негодник! Иди-ка сюда, Нойзи, посмотри, какая у тебя замечательная корзинка! – Она призывно похлопала по плетеному коробу.

Но Ньюзель вдруг громко залаял. Рейчел обернулась и увидела Луизу, которая стояла в изголовье кровати, – вид у нее был странно испуганный.

– Здесь что-то не так, мисс Рейчел.

– Глупости! – отмахнулась Рейчел, однако собака продолжала прыгать, твкать и повизгивать. Теперь она трепала в зубах простыню.

Луиза Барнет схватила одеяло и простыню своими сильными костлявыми руками и одним движением сдернула с кровати. Постельные принадлежности с мягким стуком упали на ковер.

– О милосердный боже! – вскрикнула служанка, отскакивая назад.

Рейчел не закричала, но похолодела с головы до пят. В изножье кровати, на голом матрасе, лежала ее новая грелка – зеленая, в тон мебели. Однако с двух сторон от нее примостились какие-то коричневые кольца. На глазах у потрясенной Рейчел одно кольцо зашевелилось, и над матрасом слегка приподнялась, словно зависла в воздухе, маленькая плоская голова. Ньюзель с разбега запрыгнул в изножье кровати. Луиза опять завопила.

Пес набросился на змей, в ярости укусил одну из них и отскочил назад, и так несколько раз – зубы лязгали, уши хлопали, движения были быстры и смертоносны, как у гадюки. В считанные секунды все закончилось. Рейчел стояла ни жива ни мертва. К ней вернулась способность дышать, только когда Ньюзель спрыгнул с кровати и подбежал к ней, задрав вверх морду, с гордо сияющими глазами. Рейчел сделала глубокий вдох, опустилась на колени и, взяв песика на руки, внимательно его осмотрела. Если его укусила змея... если змея укусила ее дорогого малыша Нойзи...

Она подняла глаза и увидела Луизу, которая стояла над ними, бледная как мел.

– Он не пострадал, Луи. Ох, мальчик мой, моя умница! Они мертвы, Луи?

– Да, сдохли обе, – заверила ее служанка. – Он молодец, быстро с ними справился, мы и глазом не успели моргнуть! Как он на них наскакивал! А зубы-то как лязгали!

Рейчел передернуло. Успокоив Ньюзеля, который, торжествуя победу, радостно лаял и скакал вокруг нее, она встала с колен.

Коричневые кольца неподвижно лежали на матрасе, по их гладкой коже не пробежала даже рябь. Луиза громко прошептала:

– Они мертвы. А могли умереть вы! Кто их сюда принес, мисс Рейчел?

Рейчел тупо смотрела на дохлых змей.

– Не знаю.

– Вас хотели убить, мисс Рейчел. Это понятно! Кому нужна ваша смерть? Кто зарится на ваше добро?

Не поворачивая головы, Рейчел странным натянутым тоном повторила собственные слова:

– Не знаю.

Луиза Барнет подошла к камину, взяла с полки щипцы и сказала чуть слышно:

– Я могла бы кое-кого назвать, но вы мне все равно не поверите.

Рейчел опять передернуло.

– Как я могу в такое поверить?

Хмурое лицо служанки еще больше помрачнело.

– Советую вам поверить, мисс Рейчел. – Она подошла к кровати и подняла каминными щипцами одну мертвую змею. – Вы же не станете отрицать то, что видят ваши глаза? Кто-то принес сюда этих гадюк и положил их в вашу постель. Ничего себе сюрприз!

Она подошла к камину, бросила безжизненное кольцо в огонь и вернулась за трупом второй змеи.

Рейчел в оцепенении следила за ее действиями.

– Это гадюки? – спросила она слабым голосом. – Сегодня вечером в гостиной как раз говорили про гадюк. Ричард рассказал, что мистер Толледж выкапывал изгородь и рабочие нашли в насыпи много змей.

Луиза Барнет ткнула щипцами в горящие угли и бросила инструмент на каминную полку.

– Мистер Ричард? – переспросила она. – Ах, ну да... он-то знает!

К Рейчел Трехерн вернулись силы... и ярость.

– Луи! – возмущенно воскликнула она.

– Разумеется, вы не станете меня слушать! Он и мисс Кэролайн – святые люди. Вы не поверите в их злые замыслы, пока не убедитесь воочию. – Луиза вдруг подошла ближе и схватила складку бледно-желтого платья хозяйки. – О господи, вы не верите ни единому моему слову! И я должна молчать. Но разве можно молчать, когда человеку, которого вы любите больше всех на свете, грозит смертельная опасность? Когда изо всех щелей и темных углов к нему тянутся грязные лапы злодеев, готовых пойти на любые преступления, лишь бы добиться своего? Я всего лишь служанка, и никто не обращает на меня внимания, но мое сердце разрывается от боли! Один Господь знает, как мне тяжело, и он простит меня, даже если вы не простите!

Рейчел положила руку ей на плечо и мягко сказала:

– Луи, мы обе расстроены. Давай не будем еще больше огорчать друг друга. Прошу тебя, замолчи. Я больше не могу это слышать. Нет, не подумай, будто я оставляю все как есть и, зажав глаза, слепо пойду дальше. Я приму меры, обещаю тебе. А сейчас принеси мне, пожалуйста, чистые простыни, пока я буду раздеваться.

Оставшись одна, Рейчел Трехерн долго сидела в кресле у камина. Ньюзель спал в своей корзинке сладким и праведным сном победителя. За окном привычно шумел ветер и плескались волны. Здесь, на краю утеса, редко бывали совсем тихие дни и ночи. Когда Рейчел уезжала, она скучала по этой музыке стихий, под которую засыпала и просыпалась. Если она плакала, море и ветер плакали вместе с ней. Если ей было страшно, их песня ее успокаивала. Но сегодня вечером в ней слышались мрачные нотки. Ветер монотонно гудел, а море тяжело прокатывалось по галечному берегу под скалой.

Наконец Рейчел встала и взглянула на часы. Стрелки показывали полночь. Странно: ей казалось, прошло гораздо больше времени. Мысли унесли ее так далеко, что она с трудом вернулась к реальности. На самом деле она всего час назад ушла из гостиной и полчаса как отпустила Луи.

Сев на край кровати, Рейчел сняла трубку телефона и быстро набрала номер.

Голос мисс Мод Сильвер был обнадеживающе бодрым и деловым.

– Да? Слушаю вас... А, мисс Трехерн!.. Да... Чем могу быть полезна?.. Вы хотите, чтобы я приехала к вам не в субботу, а завтра?.. Да, конечно, я сделаю это. Больше не надо ничего говорить, я все поняла. Утром отправлю телеграмму с номером моего поезда. Спокойной ночи.

Рейчел повесила трубку с таким чувством, будто с ее плеч свалился непосильный груз.

Забравшись в постель, она выключила свет, и все мысли разом вылетели из ее головы. Проснувшись она только в половине восьмого, когда в спальню вошла Луиза с чаем.

Глава 10

Ричард Трехерн шел завтракать. Проходя по коридору, он услышал голоса в кабинете. Дверь была слегка приоткрыта. Он немного толкнул ее и застыл на месте: до него долетела язвительная реплика Черри:

– Ты должна была выполнить мою просьбу, Кэр... олайн. Я же сказала, что донесу на тебя, если ты не дашь мне откупного.

Ричард ждал, что ответит Кэролайн.

Но она молчала.

Он открыл дверь пошире. Его возлюбленная стояла у окна, спиной к нему, а Черри чуть ближе, вполоборота и к нему, и к Кэролайн. Ричард видел ее злобный профиль и блестящие белокурые волосы.

– Советую тебе заплатить, – продолжила она. – Я думаю, ты получила за кольцо никак не меньше пятидесяти фунтов – в нем крупные камни. Ну а с пятидесяти ты легко могла бы отстегнуть мне десятку.

– Чего ради? – с легким презрением спросила Кэролайн, не поворачивая головы.

Черри Уодлоу язвительно хохотнула.

– Это в твоих интересах. Я предупреждала тебя, что скажу про кольцо, и сделала это. Но если ты со мной не поделишься, я раскрою еще одну твою тайну.

Ричард вошел в комнату, плотно закрыл за собой дверь и шагнул вперед.

– Все, разговор окончен! – объявил он. – Может быть, ты не знаешь, Черри, но шантаж карается законом. Тебя могут привлечь к длительным штрафным работам.

Она по-детски показала ему язык.

– А твоя любимая Кэролайн будет стоять в суде и давать свидетельские показания. Как тебе это понравится, дорогуша? Вот будет весело! «Вы заложили кольцо с бриллиантом, мисс Понсонби. Кажется, оно принадлежало вашей матери? У вас наверняка была очень веская причина расстаться с ним. Вы нуждались в деньгах? Так, может, расскажете нам, зачем вам понадобились деньги? Ага, я вижу, вы не хотите говорить. Что ж, это вполне естественно. Вы не желаете объяснять суду, что заставило вас пойти в ломбард...» Вот как это будет, Дики. По-моему, просто чудесно. А ты как считаешь, Кэрри? Ну что, сказать ему, зачем тебе понадобились деньги?.. Нет? Ладно, на этот раз оставлю тебя в покое. Хоть месть и сладка, но я предпочитаю десять фунтов, поэтому даю тебе время на размышление. – Она подхватила Ричарда под руку. – Доброе утро, дорогуша. Не хочешь меня поцеловать?

Ричарду хотелось ее задушить, но он прекрасно знал, что такая реакция доставит ей искреннюю радость, поэтому сдержался и произнес скучающим тоном:

– Не смешно, Черри. Ты уже вышла из школьного возраста – правда, в это трудно поверить.

Он с удовлетворением заметил, как ее лицо наливается краской. Она больно ущипнула его за руку и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

– Ненавидеть людей грешно, – пробормотала Кэролайн, – но мне кажется, что я ненавижу Черри.

– Ей бы надо по утрам заниматься зарядкой, – сказал Ричард, – и расчесывать волосы жестким гребнем. Морис такой же оболтус. Ну ничего, они когда-нибудь доиграются. А теперь объясни, что происходит. Ты расскажешь мне, зачем тебе вдруг понадобились деньги?

Щеки Кэролайн вспыхнули.

– Нет, – ответила она.

Ричард взял девушку за руки и посмотрел на ее повернутые кверху ладони.

– Лучше расскажи, Кэролайн.

– Нет, – повторила она слабеющим голосом.

– Это глупо, милая, очень глупо! Между нами не должно быть никаких тайн. Неужели ты не знаешь, что мне можно говорить все?

– Знаю, – она прерывисто вздохнула, – но это не моя тайна, Ричард.

– И слава богу! Однако я думаю, будет лучше, если ты мне ее раскроешь.

Кэролайн попыталась выдернуть руки и бросила на Ричарда жалобный взгляд, который показался ему невыносимым.

– Пожалуйста, Ричард... не надо. Я не могу тебе рассказать. Отпусти меня, Ричард.

Он поднес ее руки к губам, поцеловал и отпустил.

– Не давай спуску Черри. И не забывай, что я рядом. Эта нахалка ухитрилась еще до завтрака устроить нам мелодраматическое представление. Ну никакого приличия! До трех часов дня человек вообще не должен волноваться, это крайне вредно для здоровья. Ладно, пойдем. Нас ждет холодная ветчина, омлет и копченая селедка. Особенно рекомендую копченую селедку, она отлично укрепляет нервы.

Однако обстановка за завтраком оказалась не слишком умиротворяющей. Эрнест и Мейбел Уодлоу, похоже, вживались в роли страдальцев-великомучеников, но в отличие от святых выносили свои страдания на всеобщее обозрение. Они унылыми голосами просили кофе, отказывались от сахара, точно от яда, и не спускали укоризненных взглядов с Рейчел, которая сидела во главе стола и с трудом терпела этот концерт. Морис дулся как пятилетний ребенок, а Черри демонстрировала свое дурное настроение иными способами: она рывком придвинула стул к столу, всюду гремела ножом и вилок, а потом так яростно оттолкнула от себя чашку с чаем, что половина горячего напитка пролилась Кэролайн на колени.

В какой-то момент Рейчел взглянула на своих родственников как бы со стороны, и перед ней предстала четверка крайне раздраженных неприятных типов. Она словно заглянула в дырочку на темной занавеске и увидела комнату и людей в ней. Странную комнату и странных людей. Яркий свет безжалостно выхватывал их гадкую сущность. «Почему я так долго с ними мирюсь? – удивленно спрашивала себя Рейчел, испытывая острое отвращение. – Все, сегодня же выставлю их за порог!» Но озарение длилось всего полминуты. Потом дырочка в занавеске закрылась, свет погас. Момент прошел. Семейка Уодлоу опять стала для нее родной. А родных надо любить, с ними надо считаться. Ну как от них избавиться? Они пребудут с вами до тех пор... «до тех пор, пока смерть не разлучит вас», и это еще более незыблемо, чем супружеская клятва верности. Только, к сожалению, далеко не так радостно.

Эрнест ел фрукты и кукурузные хлопья, Мейбел – только хлопья, без фруктов. Черри раскрошила свой тост и опрокинула чашку с чаем. Кэролайн вообще ни к чему не притронулась. То и дело звонил телефон.

В первый раз трубку взял Морис и сообщил, что до ланча придет Космо Фрит, с вещами.

– Что он мотается туда-сюда? Мог бы окончательно здесь поселиться.

– Уж коли на то пошло, мы все могли бы здесь поселиться, – раздраженно бросила Черри. Это было сущей правдой, которую никто даже не пытался оспорить.

Опять телефонный звонок. На этот раз – телеграмма. Ричард записал текст, положил бумажку рядом с тарелкой Рейчел и с удивлением заметил, как она побледнела. «Наверное, показалось», – подумал он, услышав слова тетушки:

– В половине шестого приезжает мисс Сильвер. Надо будет послать Барлоу на вокзал, чтобы он ее встретил. Сегодня я иду в гости к няне Каппер.

– Кто такая мисс Сильвер? – выпучила глаза Черри.

Стараясь не выдать голосом своего волнения, Рейчел ответила:

– Вряд ли кто-то из вас с ней знаком. Это гувернантка на пенсии. Боюсь, звучит не слишком заманчиво, но я хочу, чтобы она какое-то время у меня погостила.

Черри резко отодвинула стул и встала из-за стола.

– Замечательно! Давайте превратим этот дом в богадельню! – Сунув руки в карманы и посвистывая, она вразвалочку зашагала к двери. На ней был твидовый костюм горчичного цвета и длинный изумрудно-зеленый шарф. Уже на пороге девушку остановил очередной телефонный звонок.

Морис, который подошел к аппарату, обернулся к ней с трубкой в руке.

– Это тебя. Верный, или лучше сказать – неверный, Боб.

– Черт! – бросила Черри, быстро оглядела всех сидящих за столом и схватила трубку.

Родители наблюдали за ней, наострив уши, поэтому ей пришлось удержать на лице уныло-равнодушную гримасу, когда мистер Роберт Хеддервик страстно воскликнул:

– Черри, ты сводишь меня с ума!

Супруги Уодлоу заметили, как брови дочери слегка приподнялись, и услышали ее вопрос:

– Почему?

Энергичный ответ мистера Хеддервика вызвал вибрации на линии. Черри было очень трудно сохранять угрюмое лицо: ее прямо-таки распирало от радости. Тот факт, что через несколько недель Боб Хеддервик должен стать законным мужем Милдред Роуз, лишь усиливал приятное возбуждение.

– Черри, я должен тебя увидеть!

– Хорошо, – сказала она.

– Сегодня вечером на прежнем месте.

– Ну, не знаю, – протянула Черри и была вознаграждена очередной бурной тирадой.

– Говорю же тебе, я теряю разум! Мне надо тебя увидеть, поговорить с тобой! Приходи обязательно. Скажи, что придешь.

– Может быть, – чирикнула Черри и повесила трубку.

Этот разговор был слишком опьяняющим для завтрака. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы скрыть свое удовольствие. Она налила себе еще чашку чаю и стала пить, пряча предательскую улыбку. Между тем телефон опять ожил. Ричард обернулся через плечо, закрыв микрофон ладонью:

– Рейчел, это тебя – очень-очень лично. Г.Б. на проводе.

Рейчел впервые пожалела, что не прислушалась к жалобам молодежи и не перенесла телефон из столовой. Взяв трубку, она услышала приятный американский акцент мистера Гейла Брэндона:

– Мисс Трехерн?

Разумеется, в ее спальне был параллельный аппарат, но если она сейчас уйдет к себе, это сразу бросится в глаза. Родственники подумают... мистер Брэндон подумает... Словом, это будет выглядеть так, будто она что-то скрывает. Нет-нет, этого ни в коем случае нельзя допустить!

– Мисс Трехерн слушает.

Гейл Брэндон горячо заговорил:

– О, мисс Трехерн, не окажете ли вы мне одну услугу? Поверьте, мне не хочется вас беспокоить, но я знаю, у вас доброе сердце и вы наверняка поймете, что здесь, по другую сторону Атлантики, я не могу обратиться за помощью к своим соотечественницам. Я очень надеюсь, вы откликнетесь на мою нижайшую просьбу и поможете мне выбрать рождественские подарки.

Рейчел невольно улыбнулась.

– Но ведь еще слишком рано, – мягко сказала она. – Я, например, даже не задумывалась о подарках.

Голос Гейла Брэндона звучал весело. «Он доволен собой, – подумала Рейчел, – или рад меня слышать?»

Он засмеялся:

– Если я не куплю их сейчас, то вообще никогда не куплю, упущу время и просто-напросто махну рукой. Предлагаю сегодня утром поехать в Ледлингтон. Может, все мы там и не купим, но по крайней мере начнем.

– Даже и не знаю...

Он перешел на умоляющий тон:

– Если вы не согласитесь, я пропал! Понимаете, когда захожу в большой магазин, я совершенно теряю голову. Я могу купить беговые коньки дядюшке Джейкобу, который уже много лет прикован к постели, и супермодную губную помаду – тетушке Хефсобе. Мне просто необходим опытный советчик. А если я буду ждать, пока вы закончите все свои дела, Рождество пройдет и наступит следующее, так что, пожалуйста, отмените на сегодня ваши планы. Я заеду за вами через полчаса, идет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.